

WTF Tin Man 2017

Тексты R-NC17

18+

Название: Двое

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: мини, 1960 слова

Пейринг/Персонажи: [Рейнз](#), [Амброз](#)

Категория: джен

Рейтинг: NC-17

Предупреждения: альтернативная, (но канонная!) медицина и физиология

Примечание: все герои совершеннолетние

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Двое"

— Хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается, — хохотнул новенький, кажется, Уилер. Виктор даже смотреть не стал в его сторону.

— Кори, поменяйтесь с Уилером местами, пожалуйста, — проговорил он, не отрывая взгляда от шприца, куда набирал анестетик.

К манчкинам такого ассистента. Сейчас не место и не время для глупых шуток, его пациент нуждается в анестезии, тщательно подобранной и точно рассчитанной, чтобы не провести в отключке лишние драгоценные минуты, чтобы не навредить Амброзу сверх необходимого. Ему и так несладко.

Мальчишка Шойх все еще был без сознания. Он сомлел в коридоре, от страха, его не били, Виктор предупредил охрану, что лично на препараты пустит любого, кто его хоть пальцем тронет.

Чародейка одобрила, он ей объяснил, что побои могут плохо повлиять на исход операции.

Он пришел в себя, когда игла воткнулась в руку. Посмотрел на Виктора мутными глазами, сглотнул, дернулся, натягивая ремни, и снова занял, мерно и безнадежно:

— Не надо, пожалуйста, не надо...

— Считай от ста в обратном порядке, — попросил Виктор, но тот продолжал свою бессмысленную мольбу.

Не раздражаться, напомнил себе Виктор. Полное спокойствие, чтобы руки не дрожали, чтобы ни одной ошибки. Уже немного, осталось совсем чуть-чуть.

Девяносто семь, девяносто шесть... Шойх затих и обмяк. Виктор быстро взглянул на жизненные показатели и кивнул команде — начинаем.

Они действовали слаженно и быстро, даже Уилер молчал и старательно подавал инструменты — видимо, осознал свой промах и теперь всячески демонстрировал серьезность. Операционное кресло подняли, пациента зафиксировали надежнее, Кори быстро прошелся машинкой вдоль будущего разреза, не тратя времени на лишние движения. Вообще, будь воля Виктора, он бы это недоразумение и зашивать не стал. Но Чародейка настаивала — пригодится. Ладно, велела — значит, сделаем.

Виктор занялся руками: как раз успеет помыть, пока ассистенты возятся с черепом. За этим можно не следить, полностью положиться на команду, это несложно. Сделать разрез, обескровить рану, откинуть кожный лоскут, наметить линии распила... Даже еще проще, потому что череп не нужно собирать обратно, можно просто выломать все ненужное.

Завизжала фреза, потянуло запахом паленой кости. Уолш заторопился, потянулся поскорее надеть

шефу повязку, но Виктор только хмыкнул:

— Не суетитесь, коллега.

Он не морщился от запаха, запах был правильный, штатный спутник трепанации. И звук, кстати, тоже был правильный, ровное и знакомое жужжание. Сейчас они высверлят подготовительные отверстия, потом их соединят пропилами — и этот момент операции всегда наполнял его гордостью, потому что проволочную пилу для костей он усовершенствовал сам. Медицинская Академия признала пилу Рейнца значительным вкладом в развитие хирургии и вручила ему награду два года назад. Это было приятно. Это было правильно.

Жизнь в принципе была довольно правильным процессом, особенно при должной организации. Те, кто жаловались на ее сложность или несправедливость, обычно просто не понимали простейших причинно-следственных связей. Чтобы чего-то достичь — нужно усердно трудиться. Чтобы добиться цели — нужно посвятить себя ей. Чтобы не отвлекаться от главного — нужно определить жизненные приоритеты и отбросить все лишнее. Это прекрасно работало долгие годы. Его карьера, его успех, его признание были лучшим доказательством истинности этой несложной схемы. Он поступил в Академию, он просиживал штаны на занятиях и в библиотеке, он конспектировал скучнейшие лекции и продирался сквозь мудреные записки светлых умов прошлого. Пока бестолковые однокашники развлекались в сомнительных клубах и бегали на свидания, Виктор экспериментировал со стаз-костюмом и живыми организмами. Он со второго курса ассистировал королевскому алхимику, а подготовленные им препараты были лучше образцов. Когда он заканчивал учебу, первокурсники почтительно именовали его «господин Рейнц» и принимали за преподавателя. Его доклады встречали аплодисментами, он даже был представлен королеве как самый молодой алхимик, получивший звание мастера. Глядя в зеркало на свою облысевшую голову и преждевременно постаревшее лицо, он думал, что похож на акулу: всегда в движении, всегда на плаву. Он улыбался — это было правильное сравнение.

А потом появился Шойх.

Виктор заметил его с первых работ и первых появлений в лабораториях. Он узнал этот огонь в глазах: жажду знаний и готовность посвятить себя науке. Он узнавал в нем себя, юного и целеустремленного, слишком непохожего на сверстников, чтобы найти понимание среди них. Первокурсник Шойх даже совершал те же ошибки на первых порах: пытался добиться признания у однокашников, успеха у безмозглых девиц, приобщался к радостям городской жизни, подпирал стенку на танцевальных вечерах... Он вскоре должен был понять, что эта мишура только отвлекает от настоящего и ценного. Он должен был сделать выбор и отдаться наконец истинному призванию. Виктор уже даже наметил пару тем, над которыми в перспективе можно было бы работать вместе.

Сначала он думал, что просто ошибся. Принял нахрап и дерзость за талант. Пара блестящих ответов и один удачный эксперимент еще не означают гениальности, если нет целеустремленности и готовности жертвовать всем ради успеха, а как раз этого у Шойха и не было. На втором курсе он все так же таскался на дурацкие вечеринки, правда, уже не подпирал стенку, а танцевал с девицами. Он по-прежнему тратил время на глупые развлечения, театры и шоу менталистов, а на лекциях по истории Зоны читал под партой то роман с омерзительной обложкой и пошлым названием, то путеводитель по столичным ресторанам. Если бы в итоге он растратил блестящий потенциал на ерунду, забросил учебу и растворился в толпе безликих студентов — что ж, это было бы обидно, но понятно. Все было куда хуже и совершенно не понятно. Шойх ничего не забрасывал и нигде не растворялся. Он убегал из лаборатории пораньше, чтобы успеть на премьеру в кинотеатр, а на следующий день засиживался за полночь, чтобы не прерывать эксперимент. Он читал зубодробительную «Теорию магического поля», сидя под лилейником в академическом саду и грызя яблоко, и бросил на пятой главе, поскольку, по его словам, автор критически ошибся в описании свойств озона и читать его дальше утомительно и бесполезно. Можно было бы игнорировать наглеца, да только он предложил собственное непротиворечивое описание этих самых свойств и рабочую модель

моританиевого передатчика магической энергии.

Это раздражало, торчало в мозгу, как неразрешенная задача. Виктор не мог понять, что происходит и чего ждать. Шойх был неожиданный, непредсказуемый... неправильный. Едва его поведение начинало укладываться в понятную схему, как он тут же выбрасывал какое-нибудь коленце. Он отказался от алхимической практики под смехотворным предлогом: мол, боится вида крови и не хочет себя переламывать. Он заинтересовался природой сознания Видящих и несколько месяцев носился с идеей построить преобразователь мозговых волн, чтобы они могли транслировать свои озарения в стандартный визуализатор, но свернул все работы, когда эти дикари отказались от добровольного сотрудничества. Он упоенно работал над технологией захвата и воспроизведения трехмерного изображения, дневал и ночевал в лаборатории, а потом его бросила какая-то вертихвостка из фрейлинского корпуса, и он два дня рыдал в подсобке, размазывая слезы и сопли по халату младшего лаборанта. К презентации проекта, правда, собрался и блестяще его защитил, никто из восторженной комиссии и представить не мог, что безукоризненный прототип был собран в спешке на коленке, под всхлипы, и шмыганье носом, и успокоительное бормотание младшего лаборанта: «Да ну, Броз, плюнь и забудь, у тебя еще таких будет... Она еще пожалеет...». Этой странной близости с персоналом Виктор, кстати, тоже не понимал. Хорошо, пусть Шойх тяготился одиночеством, но так ведь он и не искал дружбы достойных людей — водился с кем попало, разговаривал обо всем подряд! Перешучивался с ассистентами, пока переодевался из модного костюма в рабочую робу, упоенно обсуждал городской осенний бал, набело перечерчивая схему блока питания, и специально ходил через Центральный мост за какими-то особенно вкусными лепешками.

Как все эти глупости уживались с необычайным интеллектом, Виктор долго не понимал. Теперь все было понятно, и теперь он восстанавливал справедливость. Место Амброза было здесь, на службе Чародейке, под сводами Башни, в огромном машинном зале, подготовленном для самого грандиозного изобретения в истории О.З. В команде Рейнца. Оставалось только освободить его. — Резекция окончена, — сообщил Уолш. На самом деле без особой надобности, Виктор и сам видел. Уилер убрал лоток с кусочками костей, Кори критически осмотрел линию пропила и вопросительно коснулся выступающего обломка. Виктор кивнул: убрать, конечно, это косяк, выломали часть свода, не допиливая до конца, вот и треснуло косо, теперь торчит острым зубцом. А все спешка. Куда спешили, говорил же, вынимаем мозг медленно. Ошибки недопустимы. Кори виновато моргнул за защитными очками и очень тщательно выломал злосчастный выступ кусачками.

Ладно, сгодится. Виктор протянул руку, Уолш вложил в нее скальпель. Можно было вскрывать оболочку.

Он вздохнул, успокаивая сердцебиение. Конечно, это не ювелирная работа, но если у него сейчас задрожат руки, то что делать потом? Спокойно, все идет по протоколу, лезвия ножниц плавно скользят по полупрозрачной препоне, под которой уже можно рассмотреть... Розоватый, нежный и беззащитный, безупречный...

Еще немного, Амброз. Еще несколько минут.

Он никогда не следил за Шойхом специально. Просто ему часто приходилось работать по соседству и приносить данные для обработки к центральному процессору, а потом оказалось, что жил он тоже по соседству. И если возвращаться из парка после вечерней прогулки не по улице, а дворами, чуть более длинным маршрутом, как раз добрать пятьсот шагов до ежедневной нормы... У того дома было панорамное окно и широкая задняя терраса, заваленная книгами и чертежами. Виктор никогда не прятался, иногда окликал его с дорожки, они перебрасывались парой дежурных фраз, потом он возвращался к своему чертежу или книге, склонялся над освещенным столом, чеканный профиль, серьезная складка губ, блестящий ум, все так, как и должно быть. Но иногда он был на террасе не один, Виктор тогда, конечно, ничем не выдавал своего присутствия, никаких приветствий и разговоров, он и останавливался-то на минуту, не дольше, бросить взгляд, перевести дух, завязать шнурок. Кажется, ее звали Леона, томная блондинка, не то та же самая, из

фрейлинского корпуса, не то другая, ему было неинтересно, не в том было дело, а в том, как менялся Шойх. Она вертелась у него на коленках, он хихикал и хватал ее за локти, запускал руки под юбку, вытягивал губы трубочкой и нес невообразимую чушь. Совсем иногда, если Виктор засиживался за работой и шел гулять совсем поздно, они сидели в глубине террасы или даже поднимались на второй этаж, но и там их было видно в панорамное окно, омерзительно голых и бесстыдных.

Как это возможно, спрашивал себя Виктор, торопливо шагая сквозь кусты. Не риторически, серьезно, как это возможно, чтобы один и тот же человек собирал прекрасный точнейший механизм и жадно сосался с глупой девицей, читал в оригинале «Наблюдение об оптике» и хохотал над неприличным анекдотом в исполнении дурака-лаборанта? Он был словно тот непостижимый озон, проявлявший свойства частицы и волны одновременно. Но разве так бывает?

А потом он услышал, как девица называет его Глюк — и ответ на мучавший его вопрос наконец нашелся. Их было двое, вернее, это был не он. Амброз, гениальный мозг, по какому-то недоразумению доставшийся вздорному мальчишке, пошлому любителю глупых девиц, тщеславному интригану, который променял блестящую научную карьеру на придворные игры под юбкой недалекой королевы. Глюк, сбой, ошибка в системе.

Он так и не узнал, почему Глюк, да и неважно это было. Какая-то очередная внутренняя шуточка, любовное сюсюканье, ты мой сладкий пирожочек, моя маленькая лапушка, синапсы глючат — опять? — всегда, когда ты так делаешь... Главное, что он понял это, догадался про Амброза, услышал его, дотянулся до его блестящей сущности сквозь мишуру улыбок, танцев, шуточек. Вопрос были лишь в том, как его спасти, и много лет ответ не находился. Пока Азкаделлия, умная и амбициозная принцесса не начала вербовать сторонников. Он рассказал ей об Амброзе... И вот наконец — спасен. Ассистенты проворно пережимали сосуды, система жизнеобеспечения была запущена, Кори подвез колбу максимально близко — чтобы Амброз ни одной лишней секунды не провел без кислорода. Отточенным движением Виктор скользнул пальцами под нежные розоватые полушария, поднял драгоценную ношу и опустил Амброза в его новый дом. Система, провода, нервы, обратная связь...

— Сейчас, сейчас, — бормотал он, сам того не замечая.

За спиной команда заканчивала с Шойхом. Засунуть в пустую башку самую простую из Миллтаунских запчастей, нулевую, без личности. Ему не нужна личность, но Чародейке зачем-то нужно это тело, а телу нужно дышать, ходить и все остальное... Но с этим справится болванка из Миллтауна. Это уже неинтересно.

— Амброз!

Он пробежался пальцами по кнопкам.

— Не получится... — пробормотали за спиной. — Ох, звери... Чтоб вы сдохли, вы хоть дренаж поставили? У меня же отек будет...

— Заткнись! — в ужасе прошептал Рейнц. Он снова простучал по кнопкам. Нет ответа. — Амброз!

— Это я? Это мое имя?

— Нет! — крикнул он. — Уберите его отсюда! Уберите Глюка! Мне нужно настроить систему! Позовите Чародейку и Лайло! Вон!

Мозг не отвечал.

Название: Ее советник

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: мини, 1513 слов

Пейринг/Персонажи: [Амброз/Королева](#)

Категория: гет

Жанр: PWP

Рейтинг: R

Краткое содержание: [Вы такая эстетная, вы такая изящная...](#)

Примечание: все герои совершеннолетние

Размещение: только после деанона с разрешения автора

Для голосования: #. WTF Dark Oz 2016 - "Ее советник"

— Как ты здесь только держишься? — смеется Ахамо.

Скамья узкая и норовит выскользнуть из-под него. Они помещаются на качелях все втроем: Азкази рядом с отцом, а крошка Диджи — на коленях. Они раскачиваются немного и недолго, потом с хохотом спрыгивают и убегают к озеру.

Лаванда устраивается на качелях. На самом деле здесь удобно, если сесть одной и вот так, чуть боком. Держать спину прямо, слегка опереться на обтянутые бархатом веревки... Вполне удобно. Но вдоволь почитать ей не дают. Советник деликатно кашляет и, поймав ее взгляд, кланяется.

— Ваше величество, бумаги...

Она не любит скучные бумаги. Зачем все это, в самом деле? Королевство процветает под ласковыми лучами двух солнц, фермеры возделывают поля, папаи растят чудесные деревья, столица тянется вверх, как гигантский муравейник... «Работает — не трогай», — любит повторять Ахамо. Он прав.

Но все равно находятся дела, которые требуют монаршего внимания. Как хорошо, что Амброз, милый мальчик, тянет эту лямку. И кажется, ему действительно интересно разбираться во всех этих указах, налогах, годовых отчетах. Он бросил Академию, где его носили на руках, и выпросил место в королевской канцелярии, а теперь возглавляет ее, еще бы, такой умница... И такой смешной, если честно, в этом унылом мешковатом мундире, который носит с гордостью и упорством. Наверное, по той же причине, по которой предпочитает переписку личным встречам. Он слишком юный для советника, городская верхушка не воспринимает его всерьез, а зря. Он действительно блестящий.

Он раскрывает папку, но Лаванде неудобно смотреть снизу вверх, и в конце концов он просто усаживается на каменный пол беседки и раскладывает бумаги вокруг. Вот эти требуют ее подписи, вот эти нужно просто проглядеть и кивнуть, а это личное письмо, нужно прочесть... Она смотрит, подписывает, распечатывает письмо — как мило, Мистик делится городскими сплетнями, это действительно забавно.

Она устраивается на качелях удобнее, закинув ногу на ногу, читает письмо, качает носком туфли и не сразу замечает, что цепляет этим носком его за рукав. Вернее, замечает, когда повыше шнуровки ложится теплая ладонь.

Она отводит глаза от письма, думая поймать его взгляд, но он смотрит вниз. Развязывает шнурок, высвобождает ступню из узкой туфли, нога соскальзывает с колена, и Лаванда в поисках равновесия упирается пальцами ему в грудь. И вот тогда он поднимает лицо.

Он смотрит дерзко и жадно, гладит ногу, поднимаясь все выше, цепляет подвязку и стаскивает чулок, прижимается щекой, губами, целует колено и снова возвращается вниз, к пальцам...

— Нет, — шепчет Лаванда, — не надо.

И после секундного колебания добавляет:

— Не здесь.

А почему нет, в конце концов? Она ведь не слепая, она видит, как он смотрит, как целует руку — ничего предосудительного, ничего сверх церемониала, но взгляд... А еще он славный. Влюбленный и трогательный.

Она посылает за ним вечером, под первым попавшимся предлогом — ей нужно предыдущее письмо Мистика, чтобы написать ответ, она даже садится к столу и исписывает пол-листа каракулями и вензелями, прежде чем в дверь стучат.

Амброз входит с большой резной шкатулкой в руках — личная переписка ее королевского величества, письма разложены по адресатам и датам, идеальный порядок, она боится его нарушить, пусть он сам найдет ей этот совершенно ненужный конверт... Стол завален книгами и почтовой бумагой с коронами, он опускается на колени и ставит шкатулку на пол.

— Прошу вас, ваше величество, вот последнее письмо.

На ней домашние туфли, и ему даже не нужно снимать чулок. Лаванда откидывается в кресле, и обе ее босые ноги теперь в ласковых ладонях.

— Моя королева, — тихо говорит он и проводит пальцем по своду стопы.

Ей немного щекотно, но приятно. От нежных прикосновений и легких поцелуев сладкая дрожь пробегает по ногам, и Лаванда ощущает себя бесстыдно и возмутительно голой под ночной рубашкой и расшитым халатом. На ней даже белья нет, и на секунду она думает, не испугается ли он такой откровенности? И еще — понимает ли он, как волнуют его почтительные ласки?

Он целует пальцы, подъем, косточку на щиколотке, трется щекой — очень гладкой, Лаванда не может не заметить этих свежесбранных щек, а еще свежую рубашку и влажные кольца волос у шеи... Так мило и так самонадеянно! И кажется... Да, он все прекрасно понимает.

Он наклоняется вперед, одна нога Лаванды теперь лежит на его плече, и золотое шитье царапает кожу под коленкой, вторая на подлокотнике кресла, его руки забираются под рубашку. Он жарко и торопливо выцеловывает, почти вылизывает дорожку от колена вверх, по самой нежной части бедра.

— Амброз! — вскрикивает она.

— Не прогоняй меня, — говорит он умоляюще. — Тебе будет хорошо, моя драгоценная, позволь мне остаться...

Его руки жадно шарят под рубашкой, она поднимается пышной волной под поясом, мешает, Лаванда торопливо развязывает пояс. Глупый, кто же его прогоняет...

— Не уходи...

Он улыбается, так радостно и счастливо, что Лаванда не может сдержать ответной улыбки. Сейчас он встанет, наверное, подхватит ее на руки из кресла и отнесет в малую спальню позади кабинета, кровать не очень широкая, но им вполне хватит места...

Он гладит ее бедра и удобнее устраивает в кресле — обе ноги на плечах, лодыжки скрещены за его спиной. Руки снова забираются под рубашку, он ласково обхватывает ее пониже спины, придвигает к себе — и она замирает от удивления и удовольствия.

Да, ей знакомы эти ласки, она читала в «Столичной сказке» и еще в «Алом рассвете», хотя там все, понятно, приукрасили и преувеличили, и сладостная истома, и фейерверки перед глазами, но все равно она знает, что это очень приятно. Ахамо, гость с Той стороны, где нравы явно свободнее, гладил и трогал ее, и даже целовал везде-везде, это так сладко и так волнует, но он-то где этого набрался? Разве что рассказы о строгих порядках в Академии тоже оказались выдумкой...

И все мысли разом вылетают у нее из головы, когда дерзкие губы и напористый язык находят особо чувствительное место, она дрожит и подается бедрами вперед, ближе, теснее, еще....

— ... еще, еще, — кажется, это прорывается вслух. Он поднимает голову, она протестующе стонет, прохладный воздух касается разгоряченного, мокрого, нежного. Пальцы, ласковые, аккуратные пальцы прижимают нужное местечко, гладят, тоже приятно, но она хочет поцелуя, вернись...

— Здесь? Так хорошо? — спрашивает он, тяжело дыша, и она нетерпеливо ерзает в кресле.

— Да, да, да...

И он, умница, возвращается, ласкает и дразнит, и пальцы тоже при деле, она стонет уже от удовольствия, прижимаясь, сжимаясь, ноги скользят вдоль спины, она чувствует под ступнями грубоватую ткань мундира, ну да, он все еще одет, и это тоже почему-то волнует.

Потом она лежит в кресле, бесстыдно раскинувшись, задыхаясь, а он торопливо расстегивает бесконечные крючки и пуговицы. Мундир летит на пол, рубашка накрывает забытую шкатулку с письмами.

Он красивый, с удовольствием замечает Лаванда, любясь золотистой кожей, тронутой ласковым озерным загаром. Она садится, гладит его по плечам, груди, проводит пальцем вдоль темной дорожки волос на животе, цепляет пояс брюк.

— Снимай, — негромко приказывает она.

Он поднимается, расстегивает брюки, белье, переступает упавшую к ногам одежду и стоит, обнаженный и откровенно возбужденный, на лице горит румянец, то ли от каминного жара, то ли все-таки от смущения.

Лаванда и сама немного смущается. Нет, она все видела, конечно, и раньше, но как-то... в полумраке супружеской спальни... не так откровенно. Но голова идет кругом, она дает знак подойти ближе, он послушно делает шаг. Теперь он так близко, что она ощущает, как он пахнет — запах разгоряченного тела смешивается с тонким ароматом трав и цветов. Духи? Нет, кажется, просто ванна с душистым настоем... и лавандовой эссенцией. Смешной...

Она ласково касается бедер, снова трогает темную дорожку — теперь по всей длине, до завитков внизу живота, осторожно обхватывает член — Амброз коротко вдыхает и запускает пальцы в ее волосы, рука удобно ложится на затылок, и Лаванда совершенно теряется. Что делать дальше? Гладить и ласкать его? Но он и так уже возбужден. Или... он целовал ее так откровенно и теперь хочет того же? Она читала об этом, но никогда не делала, и...

Он подхватывает ее на руки и несет в спальню. Лаванда вздыхает, благодарно и облегченно, кладет голову ему на плечо. Халат падает на пороге спальни.

— Ваше величество, — шепчет Амброз, и она тихонько смеется. Он высвобождает ее из батистовых складок рубашки, укладывает в прохладные простыни и опускается рядом. Он целует ее плечи и шею, прижимается всем телом, скользит рукой вдоль бедра, Лаванда подается ему навстречу.

— Иди ко мне, — разрешает она и закрывает глаза.

Он прекрасно танцует, вспоминает она. И теперь это тоже похоже на танец, он ведет, она следует, обнимает его руками и ногами, гладит спину, непривычно гладкую — с Ахамо было по-другому, все было по-другому, и она смущается от того, что думает сейчас об Ахамо, и смущается еще больше: будет ли она думать об Амброзе потом?

Он чуть приподнимается на локтях, и ее рука соскальзывает со спины ниже, на... пусть будет тыл, торопливо решает Лаванда, очень приятный тыл, тоже непривычно гладкий, она чуть сжимает пальцы и с удовольствием замечает, как у него сбивается дыхание. Он зарывается лицом в ее волосы, стонет и ускоряет темп, ей нравится, ей хорошо, пусть даже без вспышек и фейерверков. А потом он дрожит от наслаждения в ее объятиях и шепчет ее имя, а потом целует ее в губы, нежно и благодарно.

Это первый поцелуй, думает Лаванда, как же это неправильно... и как здорово. Амброз опрокидывается на спину, не разжимая рук, она оказывается сверху, возится, пытается устроиться удобнее, все еще мокрая, все еще возбужденная, и это вдруг ощущается так замечательно, так фантастически приятно, тереться о его бедро...

Сладкая волна проходит по телу, и под зажмуренными веками вспыхивают звезды.

Название: Чувствительность

Переводчик: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Оригинал: [Sensitivity](#) by AndreaLyn; запрос отправлен

Размер: драбл, 757 слов

Пейринг: [Кейн/Глюч](#)

Категория: слеш

Жанр: PWP

Рейтинг: R

Краткое содержание: Кейн спрашивает то, что всегда спрашивают у сумкоголовых. Что ты чувствуешь там?

Предупреждения: Кинк - боди-модификация. У одного из персонажей в черепе функциональная молния (и нет мозга). Предупреждение от автора: Честная ванильная порнуха с молниями. Наслаждайтесь!

Примечание: все герои совершеннолетние

Размещение: нинада

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Чувствительность"

Немногие удовольствия в мире, думал Глюч, могли сравниться с прикосновениями Кейна в такие особые моменты. Это начиналось как спокойное исследование и чистое любопытство: Кейн спрашивал то, что всегда спрашивали у сумкоголовых (и о чем они никогда не помнили). — Тебе нравится, когда тебя трогают... здесь?

Глюч не был обычным человеком. Глюч никогда не был обычным человеком, и портрет в Северном дворце был тому очевидным и гордым доказательством. И пусть медицинские исследования фиксировали типичную негативную реакцию сумкоголовых на прикосновения к металлической вставке — Глюч никогда не был типичным или обычным человеком.

Но обычно на деловитый вопрос Кейна он отвечал лишь коротким стоном.

И стонал снова, когда второй рукой Кейн нащупывал другую металлическую молнию, гораздо ниже. Стоны становились все громче и выше, пока возбуждение нарастало, и Глюч оказывался в широких и теплых объятиях Кейна. Да, о да-да-да, ему нравится, когда его трогают здесь, и когда

рука Кейна расстегивала молнию на его штанах, Глюч уже ничего не соображал. Почти одновременно Кейн расстегивал молнию на голове, медленно и бережно, и к тому времени Глюч был уверен, что от его мозгов осталась едва ли восьмая часть. Рука в штанах (правая рука Кейна, ловкие пальцы, которые прекрасно умели стрелять из пистолета, арестовывать преступников и дрочить Глючу) медленно обхватывала член, и Кейн прижимался к его телу еще теснее, чтобы не упустить ни капли тепла.

Они привычно прятались в темном углу комнаты Глюча, и хотя никого рядом не было (кто-то был? Последнее, что он помнил, — они с Кейном были наедине, но как доверять своей памяти, если не проверять ее дважды, трижды, четырежды?), они предпочитали заниматься своими грязными делами в темноте.

— Глюч, — горячо шептал Кейн, прижимаясь губами к его шее там, где билась жилка, — фиксируя еще одну точку соприкосновения. — Как тебе это?

— Хорошо, очень хорошо, Кейн, — хрипло стонал он. — Только не останавливайся, не смей, не то я... — очередной стон прервал его слова, когда пальцы Кейна прошли по чувствительной коже у молнии. — Я прикажу арестовать тебя...

— Я шеф полиции, — пробормотал Кейн и поцеловал Глюча за ухом, слегка прихватив губами за мочку.

— У меня полно влиятельных друзей, — пробормотал Глюч в ответ и подался бедрами вперед, чтобы теснее прижаться к Кейну и выжать все удовольствие от его прикосновений. Он пытался придумать, что сказать еще, чтобы дать Кейну новый повод притиснуть его к резным стенам дворца, но похоже, у Кейна был свой собственный атаки, и он реализовывал его усердными и точными движениями мозолистой руки. Глюч помнил историю части из них и забыл об остальных, и все же в какой-то миг он знал их все, и это делало его особенным.

Он перестал протестовать, когда обе руки Кейна заскользили по коже (одни участки гораздо чувствительнее других), и перестал думать даже той жалкой восьмушкой мозга, когда ощутил приближение долгожданной разрядки. Он уже не понимал, где руки Кейна, он тонул в ощущениях и в кои веки не боялся грядущего сбоя.

Когда он открыл глаза, все было незнакомым.

Комната, человек рядом, страх и удовольствие от потрясающих ощущений в теле, и когда он потянулся проверить молнию на макушке, то обнаружил, что чья-то сильная рука аккуратно закрывает ее.

— ... Кейн? — наугад спросил он в воздух.

— Думаю, это можно считать ответом «да».

— А? Хорошо, — радостно проговорил он, а Кейн застегнул ему штаны и протянул полотенце, чтобы помочь привести себя в порядок.

Конечно, неловко получилось, что Глюч не помнил, на какой вопрос ответил, но если ответ «да», а Кейн расплывается в такой улыбке, то значит, все не так уж плохо, правда ведь? А потом... может быть, потом Кейн скажет, почему у Глюча мурашки по всему телу всякий раз, когда его руки тянутся к молнии на голове.

18+

Название: Триумф

Автор: [WTF Tin Man 2017](#)

Бета: [WTF Tin Man 2017](#)

Размер: драбл, 422 слова

Пейринг/Персонажи: [Рейнз/Глюч](#), [Азкаделия](#) за кадром

Категория: слэш

Рейтинг: NC-17

Предупреждения: альтернативная, (но канонная!) медицина и физиология

Примечание: все герои совершеннолетние

Размещение: до деанона со ссылкой на командную выкладку, после деанона - с ником автора

Для голосования: #. WTF Tin Man 2017 - "Триумф"

Как приятно все же приказы слушать и узнать однажды, в один из дней: «Чародейка думала вынуть душу, но потом решила - мозги верней!» Пусть о ней различные ходят сплетни, для меня сейчас звездный час пришел!

...Вот и все, увы, господин Советник! Марш вперед! Вас ждут нож, трепан и стол!

Он молчит, он собран, почти спокоен, только бледность щек говорит про страх. Словно не его привели с конвоем из тюрьмы в наручниках и цепях. Да, вы правы, сэр, трепыхаться поздно. Ну, а если вспомнить про чертежи... За такое можно и без наркоза! А сумел бы сдаться — нормально б жил.

Ну зачем теперь всех нас ненавидеть? Ну к чему сейчас вспоминать закон? Ну зачем шептать: «Ничего не выйдет!», прежде чем совсем погрузиться в сон?

Первый шаг: быстрее обеспечить доступ. Бритва и раствор — никаких чудес: в шевелюре черной пробрить полоску, чтобы сделать там основной разрез. Отыскать на нем точку для трепана, просверлить коробку - нелегкий трюк. Голубые мышцы, волокна тканей поднимает жесткий, специальный крюк.

Не хочу скрывать, я доволен, честно. Все удачно выпало и сошлось! И сейчас моей триумфальной песней под пилой скрипит теменная кость. Это сладко, радостно и приятно, теплота душе, благодать уму...

Зря отвлекся я! Как неаккуратно! Кровь на белом — ярко, но ни к чему!

Взять пинцет, быстрее пережать сосуды, приподнять давление, включив насос...

И финал! В руках, точно приз на блюде, оплетенный нервами теплый мозг.

Вынимаю. Мокрым, от крови красным. Дальше проще, дальше совсем легко... Гениальность липкой аморфной массой раскисает в колбе сырым комком. Электроды, клеммы, пластинки меди.

Подключить машину! Пошел процесс!

Азкаделлия, мы близки к победе! Все для вас, прекрасная из принцесс!

И еще остался штришок последний. Я скажу честнее — последний шанс. Жалкий и безмозглый, совсем безвредный - да, Советник, это теперь про вас. Я закончу дело уже без спешки — шовный материал, нитки, иглы, нож — и вошью вам молнию, как в насмешку: «Гениальным был? Дураком помрешь!»

Это станет лучшей моей наградой. Я дождусь, когда отойдет наркоз, чтоб свалиться в бездну пустого взгляда и услышать: «Кто я?» — от вас вопрос. Я не буду долго тянуть с ответом (для такого это не тот этап). И внушу я вам, господин Советник, что вы мой любовник и верный раб.

Да, я знаю, это совсем не мудро, что у вас дырявая голова, и ужасно скоро, буквально утром, вы забудете о моих словах. И придется мне повторять все снова. Каждый день. Неделю. Пока живем... Я готов. И к этому вы готовы — я ж не зря старался своим ножом.

Вот еще минута, потом другая. Ничего нельзя повернуть назад. Все получится, это я точно знаю! Я вас жду. Вам надо открыть глаза.